

В. Б. Катаев

Чехов и его литературное окружение

(80-е годы XIX века)

Спутники Чехова. Под ред. В. Б. Катаева. М., Изд-во Моск. ун-та, 1982.
OCR Бычков М. Н.

Среди русских прозаиков 80-х -- первой половины 90-х годов XIX века есть группа писателей, представляющих сегодня интерес прежде всего в связи с именем Чехова.

У некоторых из них -- Александра Чехова, Марии Киселевой, Лидии Авиловой, Елены Шавровой - никогда не было особенных заслуг перед литературой, их произведения подчас едва возвышались над любительским уровнем, а имена, мало что говорившие даже современникам, донесли до нас лишь чеховская переписка, мемуары о Чехове. Чехов для них -- "cheg maître", Мастер. Они пользовались советами, помощью своего великого современника, в письмах к ним писатель формулировал порой важные положения своей эстетики, иногда становился редактором их произведений.

На других -- Виктора Билибина, Владимира Тихонова, Ивана Леонтьева (Щеглова), Казимира Баранцевича, Александра Маслова (Бежецкого) -- Чехов одно время смотрел как на соратников, сверстников по литературному поколению, объединял себя с ними в "артель восьмидесятников" {Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма, т. 2. М., 1974, с. 173--174. В дальнейшем ссылки даются на это издание, с указанием в скобках тома и страницы; при ссылке на серию Писем перед номером тома ставится буква П.}. Сейчас это кажется трудно объяснимым, ведь каждый из "скромных беллетристов" был забыт читателями еще при жизни. Тем интереснее понять, благодаря чему их произведения какое-то, пусть весьма короткое, время могли стоять в одном ряду с чеховскими, порой бросая свет на тот или иной рассказ, пьесу Чехова, ту или иную полосу в его творчестве.

Наконец, трети -- Николай Лейкин, Иероним Ясинский, Игнатий Потапенко -- характеризуют тот литературный фон, на котором рос и развивался Чехов. Это представители той массовой беллетристики, которую потреблял читатель чеховской эпохи. Произведения этих и им подобных писателей заполняли страницы газет и журналов, в которых выступал и Чехов. В определенной среде их имена пользовались широкой популярностью.

Это -- тот литературный поток, над которым возвышается как вершина чеховское творчество. В живом литературном процессе Чехов мог вступать на пути, уже освоенные другими, разрабатывать одни с ними жанры, ситуации, типы героев. Очевидно, что без знакомства с произведениями этих писателей невозможно полно представить чеховскую литературную эпоху, а также до конца понять многие произведения самого Чехова.

Проблема эта имеет и более широкий, теоретический аспект. Достаточно вспомнить давнюю, но возобновляющуюся время от времени дискуссию о том, должна ли история литературы строиться по именам или по литературным периодам и потокам, изучать крупных писателей или всю массу литературной продукции.

В нашем литературоведении есть своеобразный пример -- изучение творчества "спутников" Пушкина, поэтов пушкинской поры. Возникнув на заре нашего века, это направление поначалу преследовало строго определенную задачу: представить Пушкина как самую яркую звезду в созвездии поэтических имен. Но постепенно творчество отдельных поэтов пушкинской плеяды приобретало самостоятельный интерес для читателей, становилось предметом углубленного исследования. Сейчас без творчества Дельвига, Вяземского, Языкова и других "спутников" Пушкина уже немыслимы ни история русской поэзии, ни понимание творчества великого поэта.

Проблема литературных спутников актуальна для изучения далеко не каждого крупного писателя. Вряд ли правомерно говорить о спутниках Тургенева, Толстого, Достоевского в том же смысле, в каком мы говорим о спутниках Пушкина. Но в связи с именем Чехова эта проблема неизбежно встает, на что указывал он сам.

Чехов, подобно Пушкину, жил и формировался как писатель в эпоху, когда литературное искусство совершало крутой поворот. Поиски новых героев, сюжетов, жанров, новой манеры разговора с